

УДК 911.2

С.Н. БАСИК

СУБСТРАТНЫЕ ТОПОНИМЫ В СТРУКТУРЕ ТОПОНИМИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА БЕЛОРУССКОГО ПОЛЕСЬЯ

Toponymy is an original historical-geographic phenomenon that was formed during the centuries in the close connection between geographic and historical realities which was carried to us by the language tools. The substrate toponymy is one part of the Belarusian Polesye regional toponymic system and including Indo-European, Ugro-Finnic, and Baltic stratum also Iranian, Gothic and Celtic elements. This stratum and elements may be considered as components of the new stratigraphic record of the regional toponymy.

Среди ключевых теоретических задач белорусской топонимики следует назвать изучение территориальных различий и закономерностей пространственно-временной дифференциации топонимических комплексов. В данном контексте необходим анализ системы белорусских географических названий с точки зрения топонимической стратиграфии – последовательности временных напластований и пространственного взаимоотношения топонимических комплексов разных регионов Беларуси. Решение этой задачи требует привлечения как собственно топонимической информации, так и данных исторической и этнокультурной географии, археологии, этнолингвистики, лингвогеографии и широкого круга смежных дисциплин. Еще в XIX в. в работе «Этнографический взгляд на Виленскую губернию» (1857) А. Киркор отмечал необходимость использования топонимических данных для восстановления древних этнических границ бывшего расселения с целью «исследовать названия древнейших мест, рек, озер и т. д. и из наречий, которым принадлежат эти названия, определять границы» [1].

Под топонимическим пластом (горизонтом) понимается целостная система географических названий конкретного региона, возникшая в процессе длительного проживания на данной территории определенных этнических общностей. Чем богаче история региона, тем больше топонимических пластов можно выделить в его пределах. В настоящей работе предложены наиболее общие подходы к выявлению и стратиграфическому анализу субстратной топонимии Белорусского Полесья.

В традиционной стратиграфической схеме топонимии Беларуси отмечается, что в южной части страны славянский топонимический пласт является единственным [2]. В пределах Полесья В.А. Жучкевич (1968, 1980) выделил 2 топонимических района с преобладанием славянской топонимии и отсутствием балтийских названий. Однако в настоящее время стратиграфический аспект топонимии Полесья представляется значительно более разнообразным. Современный анализ топонимического комплекса региона позволяет сделать иные выводы. Территория Полесья на протяжении столетий была ареной интенсивных миграций и этнических контактов и в ее пределах можно выделить, как минимум, 3 основных субстратных топонимических горизонта: древний индоевропейский, угро-финский и балтский.

Древний индоевропейский горизонт прослеживается в пределах Европы в первую очередь в гидронимии. Игнорирование его наличия существенно искажает общую картину топонимической стратиграфии Белорусского Полесья. Появление индоевропейцев в регионе исследования чаще всего относят к рубежу III–II тысячелетия до н. э. (племена шнуровой ке-

рамики или боевых топоров), однако некоторые специалисты считают возможным отнести это событие к более раннему времени. Древняя индоевропейская топонимия – это субстрат, усвоенный различными народами начиная с периода языковой общности.

К данному горизонту относится и ряд гидронимов Полесья. В названии Припять выделяется реконструируемая праиндоевропейская основа **pet* с приблизительным значением «расширение, растекание» [3]. Корневая основа распространена в пределах Европы, например, реки Педань (бассейн Десны), Педынка (бассейн Березины Днепровской), Гнилопять, Пят (бассейн Южного Буга и Роси), Пет, Петас (бассейн Оки) и др. Гидроним Буг сопоставим с древнеиндийским *бхогас* – «изгиб» [4]. Индоевропейская основа от древнеиндийского *пинас* – «жирный, плотный, густой» [5] отмечается в гидрониме Пина, многочисленные индоевропейские параллели которого отмечаются от Индии (Пеннару, Пенганга) до Дуная (Пиня, Пиние). Широким ареалом отличается древняя корневая основа *нар/нер*. В ряду таких названий полесские гидронимы Нарев (приток Западного Буга) и Нерей (древнее наименование реки Сож), а также названия Нарочь, Нарупе (река в Литве). К ним примыкают гидронимы в Индии, Пакистане и других странах (Нара, Нари) [6].

Угро-финский топонимический горизонт наиболее четко прослеживается в северных и северо-восточных районах Беларуси, отмечается также и на Полесье. Угро-финны проживали в северо-восточной части Беларуси с раннего железного века, а южная граница расселения, по некоторым данным, проходила по линии озеро Нарочь – Орша – Гомель [7].

Большая часть угро-финских топонимов восходит к народным физико-географическим терминам волжско-финских языков. Здесь представлены в первую очередь гелонимические, гидронимические и фитотопонимические термины. Примерами могут послужить топонимы: средневековое название озера Червонное – Жид, Жицкое, которое этимологизируется на угро-финской основе от мансийского *жуед* – «низина в лесу»; озеро Мыслич (Житковичский район) и село Мыслобож (Ляховичский район), связанные с мансийским *мисли* – «болото», *вож* – «приток реки»; гидронимы типа Турья, Турия – от угро-финских терминов *то*, *тор*, *тур* – «озеро»; озеро Копыть (Гомельский район) – от термина *куп* – «болото, лужа, небольшое озеро»; село Кели (Житковичский район) – от мансийского *келяй* – «болото» [8].

Балтский пласт топонимов наиболее широко представлен в субстратной топонимии Полесья. В первую очередь это касается значительного числа гидронимов, имеющих балтскую корневую основу, которые получили распространение в северной и северо-восточной частях Западного Полесья. Иными словами, северная часть региона входит в обширный ареал балтской гидронимии бассейнов Немана, Западной Двины, Верхнего Днепра. Эти гидронимы в пределах Полесья могут быть как весьма древнего происхождения, так и более поздними, относящимися к периоду миграций балтийского населения [9].

Особое место принадлежит ятвяжской гидронимии. На рубеже I–II вв. племена ятвягов проживали к северу от Бреста и в верховьях Ясельды. Типичным ятвяжским гидроформантом является *да* в гидронимах Ясельда, Гривда и др.

Балтские основы зафиксированы и в ойконимии Западного Полесья. Примером вышедшего из употребления гидронимического термина, заимствованного из балтских языков и адаптированного в славянской среде, является *орля* (дериваты *орелец*, *орлица*). Этимон слова может быть связан с балтским *orle* – «озеро» [10]. С гидронимическим термином *орля* связаны следующие топонимы западной части Белорусского Полесья: Орля (левый приток реки Туроса, Ивацевичский район), Орловицкий (канал, Дрогичинский район), населенные пункты Орел (до 1976 г., Кобринский район), Орлянка (Малоритский район), Великие Орлы и Малые Орлы (Столинский район), Орля (Каменецкий район). В ряде ойконимов отражено переосмысление балтского термина в слово «орел» (название птицы).

Топонимические горизонты не всегда сохраняются в чистом виде: новый стратиграфический горизонт зачастую испытывает воздействие субстратного пласта. Исключение могут составлять искусственные топонимические системы, созданные на основе осознанного и целенаправленного стирания коренных географических названий, как правило, по политическим, идеологическим и иным причинам (например, коренная трансформация топонимической системы Восточной Пруссии после окончания Второй мировой войны). Диффузия элементов приводит к расплывчатости границ или их стиранию между топонимическими горизонтами. Одновременно идет процесс адаптации коренных субстратных форм в новой

языковой среде. Многие славянские топонимы оформлены балтскими топоформантами, в то же время субстратная гидронимия часто адаптировалась в новой славянской среде. Учитывая длительный характер балто-славянских контактов, можно говорить о топонимах, возникших как результат языкового творчества носителей двух языковых систем – балтской и славянской. Приведенный нами пример подтверждает тезис о том, что славяне не просто перенимали, но и творчески адаптировали балтийские названия, привнося в них свои аппеллятивы [11]. Данные сравнительного исторического языкознания свидетельствуют, что в тот период, когда праславянский язык выделился из индоевропейского и стал развиваться самостоятельно, наиболее существенные связи он имел с балтскими языками.

Кроме основных топонимических пластов, выделяются топонимические элементы – своеобразные вкрапления иноязычных географических названий в пределах топонимического горизонта. Они возникли в результате внедрения по различным причинам представителей инородных этнических единиц в территориальные пределы господствующего этноса либо представляют собой более древние по возрасту элементы, сохранившиеся в местах компактного проживания этнических общностей-автохтонов. Отмечено, что для многих территорий количество топонимических элементов может быть значительно большим, чем количество пластов. Для Белорусского Полесья субстратными топонимическими элементами являются иранский, готский и предположительно кельтский.

Иранский топонимический элемент выявлен в системе географических названий Полесья относительно недавно. Известно, что этот регион находился в периферийной зоне ираноязычных скифо-сарматских племен (сколотов). Топонимические факты свидетельствуют об ирано-угро-финском симбиозе в Посожье (топонимы Ипуть, Коропуть и др.). Кроме того, этнонимический характер ойконимов Сколодин (Мозырский район), Сколдычи (Брестский район), а также топогидронимические параллели с Подесеньем (центром сколотского ареала) являются подтверждением правильности локализации ираноязычного субстрата и на юго-западе Полесья [12].

Готский элемент в топонимии Полесья длительное время не попадал в поле зрения исследователей. Миграция германоязычных готов от низовьев Вислы через Припять к Черному и Азовскому морям является широко известным историческим фактом. Это также подтверждается археологическими данными, свидетельствующими, что готы (либо их часть) задержались на Полесье почти на два века (II–IV вв. н. э.) [13]. Готские могильники обнаружены в районе Бреста, в низовьях Горыни также найдены следы готско-гепидской культуры. Интересно, что у готов было собственное название для Полесья – *Oium*, что приблизительно означает «край воды». В местных диалектах Центрального Полесья зафиксирован географический термин *вое*, *вой* – «быстрое течение в реке», что является отголоском готского присутствия в регионе [14, 15]. Гидроним Горынь по одной из этимологий образован готским *gaunjo* – «паводок», «затопление». С готским (шире – германским) этимологом связывают полесские топонимы Огдемер, Лютимер, Валовель (в языке германоязычного ванов – мифологический луг для игры в шары), Гадавель, Хутомир, Одрижин, названия с формантом -аха (готское *aħa* – «вода») – Утваха, Пскаваха, Лахва и др.

Несмотря на предположительность многих трактовок, наличие отдельных кельтских свидетельств лишь подтверждает тезис о полиэтничности Белорусского Полесья в дославянский период. Известно, что кельты-волохи (связываемые некоторыми учеными с племенем невров) в середине I тыс. до н. э. продвинулись далеко на восток. Выявленные кельтизмы в пределах региона единичны. Исследователи отмечали возможность сохранения этнонима невры в гидронимах бассейна Западного Буга (Нурец, Нура, Нурчик и др.). К кельтским названиям по одной из традиционных версий относится топоним Кобрин.

Синтез и взаимодействие культур – важнейшее явление времени раннего расселения славян по территории Беларуси, иллюстрируемое данными топонимики. Вплоть до XII в. на территории Беларуси существовало несколько балто-славянских этноконтактных зон: северная (балто-кривичская), центральная (балто-дреговичская), восточная (балто-радимичская).

Изучение в последнее время славянских формантов показало субстратную сущность многих из них, уходящую корнями в индоевропейскую эпоху [16]. В перспективе это позволит по-новому проанализировать имеющийся топонимический материал и внести коррективы в уже существующие представления о топонимических субстратах Белорусского Полесья.

Таким образом, на основе имеющегося материала можно сделать следующие выводы.

1. Топонимическая стратиграфия Белорусского Полесья, кроме славянского пласта, представлена еще несколькими субстратными топонимическими горизонтами – древним ин-

доевропейским, угро-финским и балтским. Кроме того, в пределах горизонтов выделяются топонимические элементы – иранский, готский и, возможно, кельтский. Допускается также наличие иных субстратов.

2. В пределах Белорусского Полесья имеются региональные отличия в структуре субстратных горизонтов. В частности, угро-финский пласт отсутствует в Западном Полесье, в то же время готского и ятвяжского элемента нет на востоке региона. Подобные мезорегиональные различия позволяют дифференцировать топонимические комплексы, что может послужить одним из принципов выделения и соподчинения топонимических ландшафтов различного уровня, т. е. разработки системы таксонов современного комплексного топонимического районирования Беларуси.

3. Дальнейшие исследования должны вестись в направлении разработки теоретико-методологических основ комплексного анализа топонимических систем в пределах различных топонимических микро-, мезо- и макрорегионов на основе синхронического и диахронического подходов к их изучению. Ведущей идеей многофакторного топонимического анализа должно стать объединение подходов, используемых исторической географией, топонимикой и совокупностью гуманитарных наук. В свою очередь, полученные данные должны использоваться при комплексном историко-географическом анализе территории Беларуси в целях исследования природной, хозяйственной и этнической составляющих интегральных историко-географических систем.

1. Киркор А. // Вестн. Рос. геогр. о-ва. 1857. Ч. 20. С. 235.
2. Жучкевич В. А. Общая топонимика. Мн., 1968. С. 208.
3. Рогалеў А. Ф. Сцежкі ў даўніну: Геаграфічныя назвы Беларускага Палесся. Мн., 1992. С. 31.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М., 1964. Т. 1. С. 227.
5. Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. М., 1966. С. 331.
6. Ісаенка У. // Загароддзе-2: Матэрыялы міжнар. навук. канф. «Палессе на скрыжаванні культур і часу», Пінск, 25–27 верас. 1999 г. Мн., 2000. С. 9.
7. Дяченко В. Д. // Полесье и этногенез славян. М., 1983. С. 24.
8. Рогалев А. Ф. Этнические и географические названия как источник изучения этноязыковой истории (на материале Беларуси): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.12.19. Мн., 1996. С. 19.
9. Климчук Ф. Д. // Вопросы становления и развития языковой системы. Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1981. С. 52.
10. Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962. С. 171.
11. Катанова Е. М. // Проблемы этногенеза и этнической истории балтов: Тез. докл., Вильнюс, март 1981 г. Вильнюс, 1981. С. 179.
12. Рогалев А. Ф. Этнотопонимия Беларуси (на фоне этнической истории). Гомель, 1993. С. 24.
13. Кухоренко Ю. В. // Полесье (лингвистика, археология, топонимика). М., 1968. С. 43.
14. Мартынаў В. У. // Загароддзе: Матэрыялы міждысцып. навук. семінара па пытаннях даслед. Палесся, Мінск, 19 верас. 1997 г. Мн., 1999. С. 25.
15. Яшкін І. Я. Слоўнік беларускіх мясцовых геаграфічных тэрмінаў: Тапаграфія. Гідралогія. Мн., 2005. С. 153.
16. Манаков А. Г. // Теория, методы и инновации в исторической географии: Материалы III Междунар. конф., Санкт-Петербург, 23–25 апр. 2007 г. СПб., 2007. С. 422.

Поступила в редакцию 19.03.08.

Сергей Николаевич Басик – кандидат географических наук, доцент кафедры физической географии материков и океанов и методики преподавания географии.